

Александр Шапиро

У ИСТИНЫ В ДОЛГУ

Александр Ефимович Шапиро

У истины в долгу

Серия «Литературное имя»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37388906

*У истины в долгу / Александр Шапиро: Издательский дом Ромм и сыновья»; Москва; 2018
ISBN 978-5-99062-253-1*

Аннотация

Истина – синоним правды. В каждом из своих рассказов, затрагивающих острые социальные темы, автор стремится быть верен ей: колючей, не всегда приятной, задевающей за живое. Потому что жизнь его героев проходила в то время, когда говорили одно, подразумевали другое, делали третье. И всегда самое сокровенное держали под спудом, боясь, чтобы оно никогда не вырвалось... Но мечтали о том обществе, в котором не криком души, а нормой станут провидческие слова одного из героев А. М. Горького: «Правда – бог свободного человека».

Содержание

За жизнь!	4
Золотой талисман	10
Давайте все вместе	32
Разрешите обратиться	43
Зовут меня Изька	54
«А король – то голый...»	71
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Александр Шапиро

У истины в долгу

За жизнь!

Когда я с Севой, старым моим приятелем, вбежали в его квартиру – там никого не оказалось.

– Мама, папа – закричал он, – где вы, ау!

Севе надо было ещё успеть переодеться. Мы опаздывали в филармонию на концерт, посвящённый Дню Победы. В гостиной работал телевизор, а на столе и под ним были раскиданы какие-то газеты.

Сбрасывая на ходу одежду, Севка кинулся к шкафу, но, открыв дверцу, отпрянул назад. Оглянувшись на меня, чуть заикаясь, прошептал:

– Там папа стоит...

Я находился у книжных полок и, ничего не понимая, подошёл поближе. Щурясь от света, на нас смотрел Ефим Семёнович, вытянув зачем-то руки по швам. Маленький и худой, с испуганным лицом, он выглядел как напроказивший мальчишка, играющий в прятки.

– Разрешите обратиться? – по-военному спросил он меня.

В сильном замешательстве, как и Сева, я с трудом выдавил:

– Пожалуйста...

– Я всё расскажу, – продолжил отец моего друга, – выйдя из шкафа, – только не бейте меня. И говорить буду только правду, зачем мне врать, ведь я знаю кто вы... В прошлый раз мне сломали очки, а я без них ничего не вижу. От волнения его руки дрожали, он то и дело поднимал их, прикрывая ладонями лицо и голову.

– Вы не узнали меня? – переглянувшись с Севой, – спросил я.

– Узнал, почему не узнал, – ответил Ефим Семёнович, – вы лейтенант Капшук из особого отдела. Тогда вы говорили, что евреи всегда притворяются, что у них нет памяти, кричали и били меня по голове. Но я всё помню. Потом взорвалась бомба...

В госпитале мне сказали, что вас убило, но я не поверил... Я знал, что вы будете искать меня. Вот и сейчас увидел по телевизору как вы выскочили из землянки, но обратно не вернулись. Я понял, что вы пошли ко мне...

Резкий стук в дверь прервал наш диалог: на пороге с полной авоськой стояла Зоя Марковна, Севина мама. По её побледневшему и взволнованному лицу было видно, что она слышала наш разговор ещё в прихожей.

– Здравствуйте, – кивнула всем головой, и стала выкладывать из пакетов на стол купленные продукты. Вкусно пахло копчёной колбасой и сдобой...

Посмотрев на устроенный Севой беспорядок, тихо попро-

сила:

– Останьтесь ребята, пожалуйста, ведь сегодня такой день... Я знаю, что вы взяли билеты в филармонию, но у вас ещё столько концертов впереди.

Нас не надо было уговаривать, потому что мы и сами понимали, что после всего увиденного не можем оставить её одну с Ефимом Семёновичём...

А руки его ещё вырывались растопыренными пальцами в разные стороны, хотя внешне он выглядел спокойным, но как бы отрешённым от всех. Потому что взгляд его был совсем далеко, устремившись через окно к небу, во мрак далёкого прошлого... И оттуда, издалека, оно так нахлынуло на него, что сев на диван, уже вполне осмысленно посмотрев на нас, вдруг стал делиться своими воспоминаниями:

– Призвали меня в армию из Саратова, где я учился в институте. Нас долго везли к линии фронта. Там же, наскоро обучив, бросили в первый бой. Так продолжалось несколько месяцев: окопы, стрельба, передышка и снова окопы.

В ту ночь нашему отделению удалось устроиться на ночлег в недавно срубленный дом. Внутри было хорошо и уютно. Я спал у стены. Доски ещё пахли лесом, и мне всю ночь снилась маёвка на какой-то поляне.

Утром нас обстреляли из миномётов. Кто в чём был выбежали искать укрытия. Стояла ранняя осень и ещё было тепло. Я успел влезть ногами в сапоги, а гимнастёрка с документами осталась в комнате. Во дворе сильно шарахнуло, и я

упал. Пришёл в себя в сарае, куда меня затащили санитары. Голова гудит, а рот словно заклеило – открыть не могу, руками себя ощупал – целый вроде. Двое солдат помогли мне встать. Смотрю на них и не узнаю, не из нашего взвода. Они на меня тоже смотрят и спрашивают:

– Ты кто такой, из какой части, как твоя фамилия? Я бы хотел ответить, да рот не открывается. Тут, на свою беду, пошарил по карманам брюк и достал очки. Целые! С радости одел их.

– Да это же немец, – услышал я, – он и по нашему говорить не умеет.

– Нет, – отвечает второй, – еврей это. Посмотри-ка на его шнобель. Они начали спорить, а потом решили, что лучше всего доставить меня в особый отдел.

Когда начался допрос, знаками попросил карандаш с бумагой и, как мог, написал о себе. Так меня контузило, что речь я почти потерял, только шепелявил, да и слышать стал хуже.

Всё-таки Бог есть: мои документы нашлись, меня опознал мой командир взвода. Только вы, лейтенант Капшук, не поверили и сказали, что всё равно докажете, что я немецкий шпион. Сначала вы меня били, потом написали за меня признание, но я не подписал его. Даже переводчицу из штаба пригласили, чтобы она задавала мне вопросы по-немецки. Ты ведь помнишь, как это было, повернулся Ефим Семёнович к жене...

Потом нас бомбили и меня тяжело ранило. Больше я не воевал, мотался по госпиталям. Сразу после войны случайно встретил эту переводчицу, Зоеньку. Мы из одного города оказались. Поженились. Сейчас уже пенсионеры: я инженером работал, она – учителем.

Ефим Семёнович умолк, но через мгновение тяжело вздохнул и, перейдя на шёпот, повернувшись ко мне лицом, буквально выдавил из себя:

– Вы всё-таки нашли меня, лейтенант. Я обещал и теперь рассказал вам всю правду. Я – немецкий шпион, а завербовали меня на поляне в лесу, во время маёвки. Выговорив последнюю фразу, весь как-то сник, веки потяжелели, а голова скатилась на бок. Он заснул и Сева с мамой отвели его в спальню.

* * *

Так закончилась эта исповедь, а наступивший вечер низко опустил над городом майские звёзды. Они мигали, гасли и зажигались, как поминальные свечи, горевшие в тот день в каждом доме.

Тихо вернулись Сева и Зоя Марковна. Они быстро соорудили ужин, а Сева достал из холодильника бутылку водки.

– Не плачь, мама, – вдруг воскликнул он, – папа проспится и всё будет хорошо.

– Если бы это было так, – ответила она, – опустив голову.

Первый раз за все годы он не с нами за праздничным столом.

– Праздничным? – горько вырвалось у Севы...

– Да, сынок, – подняла рюмку Зоя Марковна. И серебряная прядь её седых волос словно осветила наши лица. Да, твёрдо повторила она, мы победили смерть. Ефим, имя твоего отца, по-еврейски звучит Хаим, что означает жизнь. Она досталась нам дорогой ценой. Давайте выпьем за неё: Лехайм! За жизнь!

Два года спустя я получил письмо от моего друга из Израиля.

– Папе после лечения уже лучше, – писал Сева, – он по-прежнему много читает, учит иврит, но мы выключаем телевизор, когда что-то показывают про войну. Тень лейтенанта Капшука всё ещё висит над ним.

Золотой талисман

(рассказ-притча)

Почти сутки они провели в купе поезда, прежде чем их встретило раннее утро проснувшейся столицы мелким дождём. Под стать погоде было и унылое настроение всех путчиков, пересевших вместе с ними в автобус, отправлявшийся в аэропорт.

На улицах стали появляться первые прохожие, замечали небольшие очереди у ещё закрытых «Булочных». Серые стены уносившихся домов иногда пересекались широкими проспектами, и тогда первые солнечные лучи, купаясь в огромных лужах, ослепляли пассажиров своими яркими брызгами. Но они не радовали и ничего не меняли в состоянии общей смутной тревоги по мере приближения к терминалу аэропорта, за которым показалось и лётное поле. Потому что примерно половине из них предстояло скоро покинуть страну. Навсегда. Устремляясь в непонятное будущее в этот, начинающий покрываться позолотой, весенний день.

Уезжала обычная семья, а точнее «бежала». Так звучал их выездной статус. Были беженцами и многие из тех людей, которые сейчас шли им навстречу, поднимались по эскалаторам, сидели, окружённые баулами, чемоданами, сумками, в этом огромном здании. Свободные места все пятеро на-

шли только в дальнем конце зала. Бабушка тут же уложила внучку и внука на скамью досматривать пропущенные сны, а сама присела рядом. Пока её дочь доставала пакеты с едой, зять побежал к буфетным стойкам в поисках сидра и пива. До вылета по расписанию оставалось ещё три часа.

Скоро наступило обеденное время, но и после него ничего не изменилось. Также продолжался людской круговорот, в котором стучали и хлопали двери, заходили и выходили пассажиры, а какие-то голоса кричали, звали, объявляли...

На улице давно стемнело. Первыми устали дети, набегавшиеся за день. Наигравшись, они прикорнули у баулов и тут же заснули.

– Почему не объявляют посадку? – снова спросила Нюся у мужа.

– Не знаю, – хмуро ответил он, – в расписании указано: час тридцать дня.

Давид уже несколько раз подходил к окошку справочного бюро, но ответ был один: «Ждите, рейс задерживается». Эти слова в который раз облетали весь зал, вызывая недовольный гул, но возмущаться было бессмысленно – никто из служащих ничего не знал. Люди уже смирились с такой ситуацией, а на табло неожиданно потухло время отправления. Зато зажглись десятки других ламп, осветивших сотни уставших от ожидания лиц...

В четыре часа утра все спали, устроившись на разных сидениях, на полу, где попало. И когда около пяти прозвуча-

ло долгожданное приглашение на рейс, в очередь к таможенным стойкам пассажиров стали сопровождать и резкие гудки появившихся уборочных машин. Плакали, поднятые спроне, дети. Тихо поругивались, измотанные долгим ожиданием, их родители.

Спустя час, пройдя все процедуры проверок, семья Давида подошла к последнему переходу – небольшому искусственному туннелю, ведущему прямо в самолёт. Люди быстро входили в этот слабо освещённый зев, растворяясь за поворотом. В это время три человека в непонятной униформе, чёрных комбинезонах, подошли к Нюсе:

– Покажите документы на провоз багажа, – предложил высокий усач.

– Но мы только что прошли таможду, – удивилась она.

– У нас так положено, – успокоил её другой проверяющий, – откройте ваш баул, кивнул он, стоявшему рядом Давиду, мы ещё раз его проверим.

Ничего, кроме него и двух небольших сумок, входящих в ручную кладь, у них с собой не было. Всё остальное сдали в общий багаж после досмотра.

– Проходите скорей, не задерживайтесь, мы и так опаздываем! – слышался громкий голос дежурной по отправлению. Подтягивайтесь быстрее, прошу вас!

В бауле лежали только детские вещи для трёхлетней Зины и семилетнего Юлика. Ими он был набит до отказа и многое стало вываливаться наружу, когда Давид растянул в оба кон-

да створки центральной застёжки. Мужчины, опустившись на корточки, стали вынимать и разворачивать платица, рубашки, полотенца... Всё вытряхивалось и бросалось на пол. Наконец, усач, судя по тону разговора – главный из них, измерив баул рулеткой, сделал заключение:

– Сшито не по правилам, надо заплатить штраф...

– За что? – порывшись в сумочке, протянула ему Нюся какую-то справку. Вот, смотрите, нам всё сделали по заказу в специальной мастерской...

– Меня не интересует, где вы делали, – отмахнулся он, – платить будете?

– Сколько? – машинально спросила Нюсина мама.

– Сто долларов, – достал мужчина из нагрудного кармана набор бланков, – я сейчас вам квитанцию выпишу.

– Какую квитанцию? – переглянулся с женой Давид...

– Заходим, все заходим! – прервала разговор подбежавшая дежурная, – через пять минут я прекращаю посадку!

В накопительном зале, кроме них, уже никого не было. Яркое освещение сменили слабо горящие синие плафоны и воцарилась мертвящая тишина, которую прервал решительный голос Давида:

– Идите в самолёт, я догоню вас! – подтолкнул он Нюсю, пытавшуюся дрожащими руками закрыть свою сумку. Рядом, опустив голову, его тёща прижимала к себе обеими руками засыпающих на ходу детей.

Мужчины в комбине зонах расступились, но едва слы-

шался гулкий шум шагов из туннеля, один из них снова спросил:

– Так ты будешь платить?

– За что? – теперь спросил Давид, расставив ноги на ширину плеч. Он уже давно догадался кто они, но никак не мог поверить в это...

– Объясняю, непонятливый, – улыбнулся главный, – за твои шмотки, а если тебе не нравится – придумай сам, что хочешь... У тебя ещё осталось минуты три...

Юношей Давид занимался самбо, да и сейчас был мужчиной в соку... Их трое, но он выше на голову каждого, наверняка раскидает всех. А что потом? Драка... Милиция... Самолёт улетит без него... Там дети, жена... От этих, быстро пролетевших мыслей, у него всё похолодело внутри. Что делать? Надо взять себя в руки! Дать им какие-то деньги, чтобы отвязаться. Он стал шарить руками по карманам, но вспомнил, что его портмоне, паспорта, другие документы – всё лежало в сумке жены. Непонятная дрожь прошла по всему телу, появилась слабость в ногах и Давид чуть не упал, сделав несколько шагов в сторону.

– Нет у меня денег, ничего с собой нет! – вывернул он карманы брюк, а затем и снятого пиджака.

– Вот сволочь! – как в тумане донеслись до него голоса, а затем и мат сообщников. Они стояли совсем рядом, но выхватив из рук пиджак, тут же все втроём отпрянули назад, уставившись на его повисшую в воздухе ладонь.

– Лопата, – с уважением произнёс усатый.

И был абсолютно прав. После школы Давид пошёл работать на завод. Вернулся туда и отслужив срочную, стал слесарем высшего разряда. В свободное время играл в волейбол за сборную команду своего цеха. Мало кому удавалось принять его мяч, когда он стоял на подаче: такова была сила удара. Да и здоровался он только протягивая руку... Тяжёлую, огромную, с пальцами то ли кузнеца, то ли пахаря, какими были его далёкие предки. А сейчас на них блеснул золотой перстень, подаренный ему отцом к свадьбе. Пришёлся он ему в пору как раз на безымянный палец. На таможне его пропустили, а тут заметили сразу три пары глаз...

– Ты хочешь остаться здесь, идиот?! – не выдержав, закричал усач. – Без денег и документов? Плати кольцом и убирайся!

Давида всего передёрнуло, лоб покрылся холодной испариной от злобы и бессилия... Он хотел что-то ответить, но услышал гул. Моторы, это заводятся моторы самолёта – пронеслось в голове... А затем перед ним появились лица его детей и он увидел, а скорее ощутил на себе обречённый взгляд жены, который она ему кинула перед уходом. Пытаясь подавить стон ярости, Давид сорвал перстень с руки и отшвырнул в сторону. Тут же перед ним пронеслись какие-то тени – через мгновение он остался один. Но куда-то исчез и гул. В зале воцарилась тишина, страшная тишина одиночества, которая сильно напугала его. Бросившись на колени, стал быстро на-

бивать валявшимися вещами баул, который не хотел закрываться... Набитый до отказа, как будто издеваясь, он вываливал из себя всё обратно. Как только не тискал его хозяин, снова и снова затягивая «молнию», пока она не сломалась и окончательно разъехалась в обе стороны...

Снова слышался знакомый, но быстро нарастающий шум двигателей. Подхватив баул снизу обеими руками, Давид, прижав его к груди, вбежал в туннель-переход к самолёту, что-то теряя на ходу. Пытаясь подобрать выпавшее, он несколько раз нагибался, но при этом каждый раз ронял больше, чем собирал... Увидев почти закрытый вход в самолёт, из него вырвался страшный крик: а-а-а-а-а!!!... и испуганная стюардесса, еле успев оттянуть дверцу люка обратно, вжалась спиной в металлическую стенку... Мимо неё, споткнувшись и чуть не упав, влетел в салон рослый мужчина с баулом в руках, к которому по проходу бросилась плачущая женщина.

Уже, сидя в кресле, Давид стал понемногу успокаиваться и приходить в себя, увидев лица спящих детей, находившихся рядом. Но на все вопросы тёщи только кивал головой, а потом закрыл глаза.

– Не трогай его, мама, – взмолилась жена, – дай отдохнуть!

Давид не спал, потому что снова ощутил нарастающую тревогу и увидел себя... в лесу, маленьким оленёнком, за которым гнались волки. Это же сказка, мне её мама в детстве читала, вспомнил он, но видение не уходило. Более то-

го, за спиной он почувствовал громкое дыхание целой стаи, ещё немного и они настигнут его... Перед ним неожиданно появилась широкая расщелина в земле. Раздумывать было некогда – сильно напрягшись, Давид прыгнул... Дёрнулись его голова и тело, которые удержал ремень безопасности.

– Что с тобой? – забеспокоилась жена, – мы уже летим. Она стала нежно гладить его по руке, перебирая каждый палец, и обнаружила, что на безымянном ничего нет...

В это время муж захрапел, как это часто случалось с ним дома. Потом спрошу, подумала Нюся, вспоминая рассказ тещи, который подарил сыну перстень:

– Мне его завещал дед, – напрягал память старик, – а тот получил его в знак благодарности от одного богатого человека, которому спас жизнь во время пожара. С надписью на печатке древнееврейскими буквами. Но что она означает сказать не могу, хотя на иврите молитвы читать умею...

Давид повернул голову к жене и улыбнулся, потому что увидел во сне поляну, на которой очутился после прыжка, всю в цветах... И теперь стоял среди них, любясь сказочной красотой, а радость спасения полностью успокоила его.

Почти всё время в пути он спал, а когда приходил в себя на короткое время, издавал непонятные звуки. После посадки самолёта на его мертвенно-бледном лице появилась непонятная улыбка, которая сильно исказила внешний облик Давида, сильно напугав его близких... Спустя какое-то время, уже в большом зале ожидания, их встретили родственники.

А совсем скоро незнакомые люди помогли ему с женой сесть в машину скорой помощи. И вновь перед ними замелькали серые тени нового большого города.

* * *

Трое мужчин в одинаковых комбинезонах быстро пересекли дорогу в одном из терминалов аэропорта. Они спешили к автомобильной стоянке и, увидев свою машину, сорвались на бег. Через несколько минут их автомобиль вырулил на шоссе, ведущее в город.

– К оценщику? – спросил водитель.

– Ещё рано, мастерская открывается с десяти утра. Давайте ко мне на хату. Покемарим часок-другой до обеда, а там решим, – ответил, сидевший рядом, приятель.

Их усатый предводитель, развалившийся на заднем сидении, молчал. Не первый раз он шёл на «дело», но сегодняшняя добыча оказалась просто чудом. Поэтому всё в нём дрожало, а пришедшая в голову не новая, но скользкая мысль не давала покоя... Причиной её были друзья, сидевшие в машине... Почему, собственно, он должен делиться с ними?

– Ты не спишь, Жека? – окликнул его обернувшийся Сева, – ну, погуляем мы, братцы, сегодня, ну и погуляем!

– Ещё бы, – радостно подтвердил Конопатый, – сильнее нажав на газ. Слушайте, кореша, скоро по пути гастроним будет, надо бы закусь купить. У меня в багажнике бутылочка

лежит...

– Опосля! – запретил Жека, не успеет что ли? Сначала отдохнуть после такой ночи надо.

Машина укачивала его, но сон не шёл, вместо него лезли воспоминания... Второй год занимался он этим промыслом, сразу после отчисления из института. В ту летнюю сессию, когда только начались экзамены, Сева, сосед-приятель по дому, из армии дембельнулся. Совсем некстати, потому что выпили сразу после встречи, как водится на радостях, за приезд... На следующий день опять сообразили...

А потом Конопатый, дружок их старый, подъехал на своей тачке. Рассказал, что потерял работу. Поэтому выпили уже с горя, потом ещё добавили. Продолжалась пьянка с неделю, пока у них не кончились деньги. Так и завалил всю сессию...

На следующий день друзья снова встретились в беседке, во дворе.

– Поскреби по сусекам, Сева, – почесал за ухом Жека, – может на пиво хватит. Но Конопатый предложил съездить в аэропорт. Работала там буфетчицей его подруга.

– Может в долг и нальёт чего, – уточнил он.

Пока они расхаживали по длинным переходам, рассматривая самолёты на лётном поле, сотни людей сновали мимо них. Но услышав громкий зов женщины, сидевшей возле стенки на своём чемодане: «Помогите! Спасите, люди добрые!», подошли к ней.

Она была сильно растеряна: летела в дом отдыха с пере-

садкой, опаздывала на самолёт, и не могла от волнения разобраться куда ей идти. Показав ребятам билет, попросила донести её вещи, а когда, благодаря их помощи, увидела свою посадочную стойку, то от радости так щедро вознаградила спасителей, что они не сговариваясь сами кинулись искать подобных клиентов. Неожданное занятие оказалось по душе самозванным волонтерам, а их «гонорары» превысили все возможные ожидания... Так продолжалось недели две, пока к стойке бара, куда они время от времени наведывались «смочить горло», не подошла группа незнакомых пацанов.

– Слушайте сюда, залётные, – достав финку, – спокойно сказал один из них. Или вы работаете за половину, или вместо коктейлей я вам сейчас устрою настоящую «кровавую Мэри»...

Ребят было много и по их внешнему виду не приходилось сомневаться в правдивости дальнейших действий. Пришлось подчиниться.

Через месяц Жеке с друзьями предложили заняться другим делом. Теперь их официально оформили грузчиками, и они, работая только в ночные смены уже под крышей своих покровителей, стали, как теперь это называлось, ошипывать лохов. Несмотря на дань, появились шальные деньги, и немалые... Но и возможность крепко поплатиться за это также возросла многократно – они имели дело с валютой, а это была совсем другая статья... И новоявленный бригадир – Жека в последнее время стал думать о том, как бы свалить

куда-нибудь, залечь на время... Удача – дама слишком капризная, и не сегодня – завтра всё может обернуться крахом.

Город проснулся, но ещё светились неоновым огнём некоторые рекламы магазинов и ресторанов. Одну из них он даже проводил взглядом, обернувшись назад... Совсем недавно был тут и, наблюдая, как его дама водит по меню пальцем, небрежно бросил:

– Выбирай всё, что хочешь, без проблем...

На её руке сверкало несколько колец, но это была дешёвая бижутерия, купленная в киоске на базаре. А он представил, как в следующий раз поднимет за ресторанным столиком свою руку с рюмкой коньяка и, поймав её изумлённый взгляд на перстне, спокойно скажет:

– Вот, купил по случаю у знакомого ювелира...

– А почему бы и нет? – снова в полудрёме подумал он, – одно дело – деньги, их он всегда делил с ребятами по-честному. Но ювелирная красота не для Севы с Конопатым, что они понимают в ней, да и такое изделие не разделишь. Перстень-то им сейчас попался не простой, старинный, да ещё с печаткой. Точно талисман... А он всегда приносит удачу!

Ещё в школе их учительница русской литературы, показывая в классе портрет Пушкина, рассказывала о перстне на его пальце. О том, что он был подарен поэту какой-то княгиней. И даже строчки стихотворения пришли в голову: «Храни меня мой талисман». Возбуждённый этим, Жека ещё раз осознал, что в его кармане лежит уникальная вещь, которую

он никому не отдаст; что навестила их компанию редкая удача, но именно его этот перстень теперь будет хранить от всех бед.

Пока же кольцо надо было куда-то спрятать и придумать подходящую историю с его исчезновением. От напряжения он даже согнулся, но машина тормознула перед светофором, легонько откинув его назад. Вцепившись руками в сидение, Жека случайно зацепился за дырку под ним. Машинально засунув туда палец, почувствовал, как тот проходит сквозь поролоновую начинку... Это был выход, который так неожиданно подсказал случай, а вернее – вход! В кармашке сидения перед ним он нащупал заваливавшуюся тряпочку, в которую осторожно, чтобы не увидели подельники завернул перстень, а потом затолкал получившийся пакет в эту дыру.

Теперь надо было придумать историю с потерей. Облегчённо вздохнув, Жека откинул руки на затылок, чтобы расслабиться, но что-то заставило его обернуться. Взгляд упал на серую «Волгу», следовавшую за ними. Движение транспорта по этой улице только начинало возрастать и ничего удивительного в этом не было. Однако, через несколько минут он обернулся снова – «Волга» никуда не свернула. Более того, она показалась ему знакомой из-за дополнительной антенны... И он вспомнил, что именно эта машина последние дни парковалась почти рядом с их стоянкой...

Жеку всего передёрнуло. Он быстро растормошил рукой приятеля на переднем сидении, который успел задремать, и

чуть не закричал:

– Посмотри в зеркало, мы под колпаком!

Скоро все убедились, что их преследуют, а ехать к дому Севы оставалось совсем ничего – пересечь трамвайные пути через две улицы и свернуть направо.

– У путей замедли ход и продержись сколько сумеешь, – нервно прошептал, нагнувшись к Конопатому, Жека, – а как подойдёт трам – сразу дёрни перед ним. Попробуем оторваться...

Так и вышло, когда прямо перед носом разъярённого водителя трамвая со сцепленным вагоном проскочила машина, а он от неожиданности затормозил и перекрыл движение по улице. Но водитель машины, резко нажав на газ и набрав скорость, не сумел справиться с рулём. Машина на повороте врезалась в дерево у обочины тротуара... Погибли все...

* * *

Фёдор Степанович, а по-простому Степаныч или Федюня, уже много лет работал на автомобильной свалке. Если бы ему предложили поменять работу, то он бы ни за какие коврижки не согласился. И не зарплата держала его на этом месте, о ней даже говорить было смешно, а тот довесок к ней и уважение, с которым относились к нему все друзья и знакомые. Ведь он помогал каждому, правда, за хорошие деньги, но запчасти у него можно было купить любые.

Сегодня ему позвонили по поводу магнитолы и он отправился в дальний конец двора, где уже с год стояла одна из разбитых машин. Это была относительно новая «иностранка» с разными прибабамбами, но до сих пор руки не доходили покопаться в ней. Стояла она в кузове старого грузовика без бортов, упираясь искорёженной носовой частью в его кабину, и открытая задняя дверца, казалось, вот-вот соскочит с петель. Став на попавшийся под руку ящик, Степаныч хотел подтянуть и закрыть её, но увидел, что из порванной обшивки сидения что-то выглядывает. Вытянув оттуда сложенную тряпицу, он развернул её и с изумлением... обнаружил кольцо. Тут же, оглядевшись по сторонам, засунул его себе в карман.

– Вот это находка, – радостно подумал про себя, – скупщик даст большие деньги.

Поразмыслив, всё же решил сначала показать жене.

После работы Федюня, минуя буфет, сразу пошёл домой. Удивлённая отсутствием винного перегара, супруга тут же заподозрила что-то неладное.

– Случилось что? – взяла она поварёшку в руку, – суп наливать али нет?

– Погоди пока, – положил он кольцо на стол, – посмотри лучше.

– Украл что ли? – недоверчиво взяла Ксения его в руки.

– Типун тебе на язык, дура, – в машине нашёл. Помнишь, как рассказывал об аварии, которая год тому случилась, то-

гда ещё три парня погибло... Вот в той самой машине и обнаружил. Не в стол же находок относить, самим сгодится.

– Верно, – подтвердила Ксюша, – у нас дочь – школьница, но годы-то идут, и не заметишь, как она на выданье будет. В самый раз для приданого жениху подойдёт, да ещё как. Впервой такое богатство вижу, золотое ведь колечко, не иначе...

– А раз так, поднеси мужу стопочку по этому случаю, или не заслужил?

– Заслужил, кормилец, заслужил... И закуска хорошая тебе, Федюнька, найдётся. Ты вот подумай: не лучше ли со мной по-семейному посидеть, чем с мужиками в буфете мордаситься...

Дочери, Варе, они решили ничего не говорить и не показывать, а кольцо надёжно спрятать до поры, до времени.

Много лет утекло с той поры, уже и школу дочь окончила, и техникум, на фабрике лет пять свою лямку тянула, а вот никак не могла подыскать себе мужа. Тот ей не нравился, другому сама не подходила, хоть была не дурна собой, да и в поклонниках отбою не было...

Встревоженная её долгими поисками, Ксения решила по совету подруг обратиться к гадалке. И поехала в одну из окрестных деревень к старухе, о которой люди рассказывали чудеса. А та, выслушав очередную историю, произнесла только одну фразу:

– Уберёшь из дома то, что не принадлежит ни тебе, ни дочери, ни твоей семье – жених и объявится.

Взяв деньги, от дальнейших объяснений она отказалась.

Долго не могли заснуть встревоженные родители в ту ночь, пока эту загадку разгадывали. И вспомнили про кольцо... Ещё несколько дней раздумывали как поступить... Федюне, наконец, пришла в голову мысль продать кольцо знакомому ювелиру – деньги на свадьбу всё равно нужны будут. Был у него такой человек, которому, однажды, он заграничный аккумулятор с разбитого «Форда» продал – Яков Яковсон.

* * *

Яков Семёнович долго канителиться не стал – сразу увидел, что пришло в руки... Для приличия достал лупу, нацелился на печатку, бросил перстень на весы и... назвал хорошую цену.

– Другому бы столько не предложил, Федя, – в долларах плачу, – достал он свой портмоне. Для себя беру, поэтому ничего не спрашиваю.

– Спасибо, Яша! – да не бойсь ты, не воровано оно. – Сам нашёл в салоне машины. Дочку выдавать замуж надобно, вот и копим потихоньку. Ты наведайся ко мне, много чего свезли за последнее время, от иномарок уже отбоя нет...

Яковсон славился как опытный ювелир с большим стажем. Отец его был водопроводчиком, но сына своей профессии обучать не стал, а отдал в подмастерья к родственнику.

– С нашей фамилией в институт поступить трудно, тем более, что в науках ты не силен. А на свой кусок хлеба, и не только с маслом, у дяди Миши сумеешь заработать, – напутствовал его папа.

И Яков не прогадал, он давно стал классным специалистом, ведущим свой бизнес. Его изделия из золота раскупались мгновенно, а фамилия стала тем фирменным знаком, или как уже по новому говорили – брендом, который знали во многих странах мира. Поэтому очередной звонок из США совсем не удивил его. Звонил приятель, давно уехавший туда:

– Привет, Яшка! Недели через три к тебе зайдёт моя хорошая знакомая, наш семейный доктор. Сын её скоро женится, так ты подбери ей что-нибудь подходящее. Это «гуд дил», будешь иметь хороший навар. Врачи, сам понимаешь, у нас люди не бедные. Договорились? Я должен ей сообщить, потому что сейчас она готовится к поездке и будет в вашем городе.

В то утро Яша пришёл на работу снова с тяжёлым настроением. В последнее время ювелир стал плохо спать, а тяготила его, как ни странно, недавняя покупка. Он уже давно крепко стоял на своих ногах: дело пошло в гору, от заказов отбоя не было, а это кольцо могло свести на нет все его успехи.

– А если оно ворованное и находится в розыске? – будила по ночам одна и та же мысль... Ему часто приходилось по-

купать драгоценности у своих клиентов, и он старался всегда быть предельно осторожным, всё оформлял как положено, а тут не удержался: увидел уникальную работу мастера, да и сама надпись на печатке, сделанная на иврите, очень заинтриговала его. С детства Яков хорошо говорил на идиш, а этого языка не знал. И в довершение ко всему, словно специально, чтобы насыпать соль на рану, позвонил Федюня:

– Дочки моей ухажёр вчера заявился со своими родителями. Свататься приходили. Так жена моя, Ксюша, им сразу сказала: «Кольца заказывать будем только у Якобсона». Ты перезвони, когда можно будет зайти к тебе. Идёт?

Чтобы успокоиться, Яша взялся за работу, но ближе к полудню в мастерскую зашла хорошо одетая моложавая женщина, без лишней косметики на лице. Убедившись, что попала по верному адресу, она протянула свою визитную карточку:

– Здравствуйте, я от вашего приятеля. Надеюсь, он успел рассказать обо мне?

– Конечно. Чем смогу – помогу. Эдик сказал, что вам нужны кольца для молодожёнов?

– Да, – но я хочу, чтобы они выглядели неординарно, оригинально – это будет моим подарком к их свадьбе. Ведь о вас, как о мастере, ходят легенды...

– Разумеется, сделаю так, как вы захотите. Вот рекламный проспект с моими готовыми изделиями, но там есть и эскизы, по которым вы тоже можете заказывать. Пожалуйста,

присядьте за столик.

Наблюдая за тем, как посетительница перелистывает страницы его каталога, Яков вдруг поймал себя на том, что если повезёт, он совсем скоро сумеет избавиться от ненужной записки, так бередившую его нервы. Что, если спросить покупательницу об этом прямо сейчас?

– Я могу вам уже предложить одну уникальную работу, которая выполнена не мной, а неизвестным, но замечательным мастером – старинный перстень с печаткой, правда, большого размера. Но это вполне поправимо, я сумею подогнать его под нужный размер. Вопрос в том, понравится ли вам? – достал он изделие из сейфа и положил перед ней.

Яша стоял, но если бы он вёл разговор сидя, то увидел, как резко изменилось лицо женщины, после того как она взяла в руки кольцо и очень низко склонила над ним голову.

Это была Нюся. Та самая, которая столько пережила в день своего отъезда из страны. Но судьба приготовила ей и другие сюрпризы. После случившегося, муж попал в психиатрическое отделение больницы, где позже ему диагностировали и другую, неизлечимую болезнь. Скоро он ушёл из жизни в один год с её мамой. Пришлось одной тянуть двоих детей, работать санитаркой, и сдавать трудные экзамены по своей основной профессии врача. Ребята подросли, а она, подтвердив специализацию терапевта, получила работу в муниципальном госпитале. Замуж больше не вышла, но жизнь наладилась: купила машину, дом, выучила детей. А сейчас

и Юлик собрался жениться. Он стал полной копией папы – таким же высоким, крепким, красивым парнем...

Увидев перстень, Нюся сразу опознала его по внутренней зарубке – инициалам, сделанным ещё первым носителем. И тут же захотела спросить: «Откуда он у вас?!» Но испугалась своего вопроса, подумав, что может не только выдать своё волнение голосом. Ведь если ювелир узнает её отношение к кольцу, он может по разным причинам не захотеть продать его... Поэтому, слегка отодвинувшись от стола, упираясь руками в колени, как бы оценивая будущую покупку, медленно произнесла:

– Я беру перстень... Мне нравится работа... Оригинальна и надпись на печатке... Сыну моему подойдёт, а для его невесты я выбрала вот это изделие по вашему каталогу, указала она пальцем... Номера их колец записаны на обратной стороне моей визитки.

Положив покупки в красивый, яркий пакет, хозяин и сам светился от пришедшего к нему счастья: гостя оплатила всё не торгуясь. И теперь он парил возле неё, провожая к выходу. Уже, открыв дверь, Яков со словами прощания и благодарности задал давно волновавший его вопрос:

– Я понял, что кроме английского, вы владеете и ивритом. Что же выгравировано на печатке?

– Мудрая мысль из «Книги псалмов» царя Давида, глубоко вздохнув, но с чувством собственного достоинства, ответила женщина:

– Да воздастся каждому по делам его...

Давайте все вместе

– Брызги шампанского, самые настоящие брызги, – радостно закричала Ниночка, наблюдая как папа наливает ей немного вина в прозрачный фужер. А оно пенилось и искрилось, пытаясь вырваться наружу. За другими праздничными столами одной из школ города так же бурлило веселье выпускников. Сегодня им вручили аттестаты, а о зрелости они ещё только догадывались... Это была их ночь, весёлая и яркая. С грустинкой скорого расставания, но и трепетного ожидания вступления в новую жизнь.

Рядом со своими чадами сидели родители и не могли наглядеться на них.

– Ананасы в шампанском, – громко произнёс, пришедшие в голову знакомые строчки, Ниночкин папа. Дальше не помню, посмотрел он на жену.

– Это Игорь Северянин, – уточнила она. – А вот ты, грамотей, сколько раз ездил в Киев, так ни разу не привёз их попробовать.

– Достану! – сразу отреагировал он, – как только поедem с Ниночкой поступать.

Продолжал шуметь выпускной вечер, и в наступившую ночь ребята танцевали под магнитофон, прыгали и дурачились. На столах ещё было много закусок, но есть уже никому не хотелось. Начинались застольные беседы в ожидании

рассвета.

– Петрович, – подошёл к учителю труда директор школы, – не пора ли навестить твоё хозяйство?

– Давно жду команды! – поднялся высокий и крупный Иван Петрович, – поддерживая рукой широкий зелёный галстук.

Они зашли в слесарную мастерскую, где её хозяин достал из шкафчика заранее припасённую бутылку «Столичной», несколько бутербродов с сыром и два стаканчика из тёмно-зелёного стекла. Это был его любимый цвет ещё со времён армейской службы. Когда появилась возможность после выхода в отставку купить машину, то и «Запорожец» он приобрёл с защитным оттенком. Ученики прозвали учителя «Пограничник» и побаивались резких суждений ментора, а коллеги не любили за обычно приказной тон разговора в общении с ними.

С директором, таким же отставником, они встречались часто, дружили семьями, и любили сойтись за хмельной чаркой.

– Ну что, – встал Петрович, – уже двадцать второе июня, давай помянем наших ребят...

– Садись, капитан, – не настоялся за сегодня? – махнул рукой директор.

Они выпили, разлили ещё по одной, но говорить им не хотелось. И так давно всё знали друг о друге: и эпизоды фронтовой жизни, и истории полученных ими боевых наград, и

все семейные новости... А сейчас была горечь во рту от выпитой водки, да желание поскорее дожидаться утра, за которым маячил долгожданный отпуск.

В коридоре слышался шум шагов и громкие голоса.

– Это наш физик в радиорубку пошёл, – определил директор, – кстати, как он тебе?

– Да кто знает, не первый год у нас работает, а понять его не могу. И на уроках у него бывал, когда по обмену опытом друг к другу ходили – понравились, чего там говорить, толковый парень. Ребята его любят, сам знаешь. И всё же, помнишь, зацепил я на профсоюзном собрании Якова Михалыча, попросил высказаться в отношении агрессивных действий Израиля. Ответил, но как?..

– Отношусь к нему, как все советские люди.

И всё. Хитрые они, евреи, сами себе на уме...

– Вот и я о том же подумал, Петрович. Вчера звонил Бережной. Просит для дочки своего друга часы физики на следующий год, как будто не знает, чем мы располагаем. Пока у нас нет, говорю, а он:

– Полставки наскреби, и давай жить дружно...

Ну, и что я должен делать, идти против заведующего РО-НО? Яков этот Михалыч пять лет у нас отработал, но и я его пока раскусить не могу. Кабинет – один из лучших в районе, ребята наши на техническом смотре второе место по области взяли. Он то и помог им что-то особенное сварганить. Наставлял я нашу Авдотьевну:

– Вы, как завуч, должны больше внимания уделять нашему молодому специалисту. Чтобы и поурочные планы на уровне были, и лабораторные вовремя проводились... У каждого из нас за плечами не менее пятнадцати лет педстажа. Уделила, как же! Слышал на педсовете её отчёт?

– Замечательно поработал в этом учебном году наш физик, Яков Михайлович Перельмутер.

* * *

В небольшой подсобке на первом этаже школы, в самом конце коридора, находилась радиорубка. На столе, рядом с магнитофоном «Днепр», стояли микрофон и другая аппаратура для школьного радиовещания. Всем этим заведовал старшеклассник Дима Мельник, который во время больших перемен вёл передачу «Новости нашей жизни». Но сегодня он, уже выпускник, танцевал вместе со всеми. Сюда и зашли физик со своим спутником.

– Яш, – поставь что-нибудь приятное, для души, а то эти «буги» с «твистами» меня уже достали, – попросил старый приятель и однокашник по университету, Володя.

– «Чай вдвоём» подойдёт? – заправил новую бобину Яков, а теперь давай кой чего попробуем, – достал он из своего «дипломата» бутылку коньяка. Сейчас по чуть-чуть, а вечером посидим у меня дома.

Володя взял бутылку, которая по горлышко утонула в его

большой ладони. Парень из глухого села, работающий и башковитый, в свои неполные тридцать лет стал старшим инспектором РОНО. Он любил приезжать в эту школу, особенно на выпускные вечера, где можно было отдохнуть и вволю наговориться со своим университетским другом.

– За тебя, Яша, – сделал он глоток из горлышка, – за твои успехи. Сегодня я вручил грамоту вашей биологине, но попала она не по тому адресу. Поручили мне подготовить сводный список к награждению по итогам года. Прихожу на утверждение к шефу, а он просмотрел его и говорит:

– Что же ты, Владимир Семёнович, всех своих приятелей сюда не занёс? Или я не знаю твоего дружка Перельмутера...

– Так его не только за работу, но и за выставку технического творчества представили, вот список...

– Не надо, – отвечает, – и без тебя знаю, что заслужил. Но что скажут его коллеги – свой своего награждает? Мне эта кумовщина ни к чему. Вот, взял он список учителей вашей школы, впиши вместо него зав. кабинетом биологии, и давай жить дружно...

– Яков Михайлович, – постучали в дверь, – и голос Лены Воронюк сообщил:

– Вас просили выключить музыку, там сейчас все петь собираются.

– Вот это по мне, – обрадовался Володя, – идём, Яшка, споем вместе со всеми!

Они вернулись за уже преобразившийся стол, потому что

увидели подносы со «сладким», а в глубоких тарелках красовалась черешня. Скоро её косточки полетели навстречу друг другу из самодельных салфетных трубочек.

Первыми запели родители. Папа Игоря Яблонского, всегда выступавший на всех собраниях, затянул «День Победы». Потом пели «Черемшину», «Калинку», другие песни. Все они звучали по-разному: одни весело и бодро, другие, поддерживаемые только несколькими голосами, обрывались на середине.

Когда этот импровизированный хор распелся, кто-то затянул песню, знакомую и любимую всеми в зале. Может поэтому весь зал с удовольствием поддержал её, слаженно и красиво. Но исполняли её особенно громко, не жалея голосовых связок:

– Розпрягайтэ хло-о-пци коней, та лягайтэ спо-о-чивать...

И такая торжественная мощь звучала в этой украинской песне, что, казалось, объединила она в себе не только эти простые и незамысловатые слова с мелодией, но и души поющих...

– Давай выйдем во двор, покурим, а то слишком душно здесь, – предложил Якову приятель.

Они спустились по ступенькам на прохладный асфальт большого двора под звёздным небом. Ярко светил ночной фонарь. Володя достал пачку «Шипки». Слишком резко вытянув сигарету, случайно поломал её. Закурил вторую и сделал несколько глубоких затяжек. По его напряжённому лицу

было видно, что он что-то хочет сказать.

— Теперь ты понимаешь за что я люблю бывать у вас на выпускных вечерах? — прозвучал его вопрос. Я ведь не просто люблю петь. Нет. Это нечто другое... Понимаешь, я чувствую себя совсем по-иному, когда люди поют вместе. И я с ними, со всеми... Я ощущаю... почти физически... близость со своим народом... Поверь, это не пустые слова, а какая-то радость единения... Когда общий порыв... Когда у тебя просто дух захватывает... Жаль, что тебе этого никогда не понять...

Яша молчал. Не раз ему приходилось становиться заложником своей фамилии, переживать и страдать из-за этого. Он уже давно не верил в «светлое будущее», к которому все народы его страны идут плечом к плечу. Но он жил в этой среде и был так воспитан, что не мог даже представить себя изгоем, не мог поверить, что окажется лишним... И об этом ему сказал не кто-нибудь, а его друг... Сегодня он впервые почувствовал себя... чужим, чужим среди своих?..

Прошло несколько дней. Яша получил отпускные и вернулся из школы в приподнятом настроении. В их школу позвонили из отдела по туризму Облсовпрофа и сообщили, что у них можно купить горящую путёвку в Болгарию. Только оформить все документы надо было срочно, не откладывая на завтра, и директор предложил это сделать ему.

На письменном столе в своей комнате, рядом со свежей «Литературной» и «Известиями», он увидел незнакомый

конверт, адресованный его родителям.

– Мама, – позвал он, – ты положила мне свежую почту, но тут есть письмо вам.

– И тебе, сынок, тоже, – вошла она в комнату. Это вызов из Израиля от Лины.

Яшина сестра уже несколько лет жила там с мужем и дочерью. Все эти годы в письмах звала своих родных приехать к ним. Она очень скучала, и надеялась на скорую встречу. Мать с отцом давно были готовы к выезду, но как только заводили разговор на эту тему, сын начинал нервничать и замыкался в себе.

Сейчас он тоже сидел, уставившись глазами в большой книжный шкаф. Мама повернулась, чтобы выйти, но неожиданно услышала:

– Мы уедем... я хочу уехать. Давай подождём папу с работы и вместе с ним всё обсудим.

– Извините, – позвонил он своему шефу спустя несколько минут, – мои планы изменились. Пожалуйста, предложите путёвку кому-нибудь другому.

* * *

Запах вкусной еды, детский смех, а теперь и хлопнувшая рядом бутылка шипучего вина – всё это уже было в Израиле. Второй Новый год, но теперь по еврейскому календарю –

Рош ха-шана, Яков отмечал в мошаве¹ у своих родственников. Во дворе их одноэтажного дома был накрыт праздничный стол. Гостей было немного, но, несмотря на большую разницу в возрасте, все, от мала – до велика, были очень веселы. Они держались свободно, смеялись и говорили одновременно...

Яше налили вина, и оно ударило ему в нос острым мускатным ароматом. Брызги, настоящие брызги шампанского, вспомнил он свою бывшую ученицу Ниночку. Сделав несколько глотков, почувствовал, как спадает его напряжение от новой обстановки в гостях и прошедшего дня. Не часто приходилось ему расслабляться за прошедший год. Учёба в ульпане², а теперь и на курсах программистов, отнимала всё свободное время.

И, напротив, через дорогу, и по всей улице, и дальше – на соседнем холме, веселились в каждом дворе этого посёлка. Яков сначала не понял, почему все за столом, вдруг, встали. Он сидел на самом краю стола, а когда поднялся, почувствовал детскую ладошку, обхватившую его пальцы – рядом все держались за руки.

Их подняла песня, которая уже летела над всеми домами. Однажды он слышал её, ещё студентом, в одной компании. Она была записана на плёнке, которую проиграли тогда очень тихо. Боялись, чтобы не услышали соседи...

¹ Мошав – вид сельскохозяйственного поселения.

² Ульпан – учебное учреждение для изучения иврита.

Но сейчас он почувствовал, как эта песня своим звучанием заполняет всё свободное пространство вокруг него:

– Ло-мир алэ ынэй-ным, ынэй-ным... (Давайте все вместе, вместе...)

Только эти слова он знал в переводе с идиша на русский. Но теперь он пел их вместе со всеми, высоко подняв голову, потому что ему казалось, что песня уходит в небо. А оттуда, получив благословение, через небосвод опускается за горизонт, где её подхватывают всё новые и новые люди. И она наполняет их сердца таким же человеческим теплом и радостью, как и его, а также пониманием того, что все они один народ, который должен быть вместе:

– Ло-мир алэ ынэй-ным, ынэй-ным...

Праздник продолжался. Звучали самые разные песни. И солисты из многих дворов уже поддерживались хором разных голосов всего селения. А на скольких языках их пели: иврите и румынском, польском и идиш, русском... Но больше всего удивило то, что многие знакомые русские песни пели на иврите: «Полюшко-поле», «Катюшу»...

Сестра Лина рассказала ему, что эта традиция идёт от техалуцим (поселенцев), которые привезли с собой любимые мелодии, но сочинили к ним новые слова.

Яша был растроган и праздником, и теми чувствами, которые нахлынули на него – он ощутил свою сопричастность ко всему, что происходило вокруг. Это была та встряска, которая ещё раз убедила его в правильности своего нового жиз-

ненного выбора. Вспомнились и Володиные слова, засевшие в памяти:

– Жаль, что тебе никогда не понять этого...

Теперь он в полной мере ощутил то, что испытывал его друг...

А ещё он думал о песнях, которые не только отражают душу своей страны, но своими мелодиями способны объединять людей, делать их счастливыми... Какая в них чувствуется сила и красота! Быть может та самая, которая призвана спасти мир...

Разрешите обратиться

Гриша уже более часа ворочался на диване, но сон не шёл, а в полудрёме каждый шорох раздражал его. Услыхав скрип входной двери, он прислушался и, пока вошедшие в прихожую снимали обувь, в комнату просочился запах еды из коридора – соседи готовили ужин.

– Кажется, папа спит, не шуми, – попросила жена дочку в прихожей.

Пряный аромат не подействовал на него и, повернувшись на бок, лицом к стенке, он только сильнее сжал глаза, натянув плед на свою голову. К холодильнику Гриша уже давно подходил только по надобности, зная, что без еды головной боли ему не избежать... После целого дня учёбы на курсах языка он, вернувшись домой, сразу плюхался на своё мягкое, удобное ложе, чтобы расслабиться и придти в себя. Это состояние пришло к нему недавно, сменив прежнюю, обычную для него бодрость.

Уже второй год эта семья, как и многие эмигранты, жила в Нью-Йорке. Родственники, ко дню приезда сняли им квартиру, а каждое утро начиналось для них с класса английского – в одной из специализированных школ города. Дочь и жена Гриши изучали язык ещё там, в Союзе, и теперь он словно побежал к ним: они стали общаться с соседями по дому, уже понимали телепередачи для детей... Нашли подсобную

работу в супермаркете, и перешли на более высокий уровень обучения во вторую смену.

А у него всё никак не получалось, хотя читать стал хорошо, выучил много слов, но стоило ему заговорить – сразу возникал общий смех в группе, как во время клоунады в цирке... И всё же он решил подыскать работу и себе. Теперь всё свободное время уходило у него на поездки в метро, автобусах, общение со служащими офисов, заполнение анкет...

Правда, к американцам не совался, ездил наниматься только к «русским». Но и там, после нескольких вопросов, ему всегда говорили:

– Подучите язык и приезжайте в следующий раз, нам нужен человек с разговорным английским...

Однажды Гриша не выдержал, и на подобный отказ спросил:

– Вы ищете человека для уборки по ночам. Кроме пылесоса, тряпок, ведер с водой кому ещё нужен мой язык?

Хозяин большого магазина, куда он пришёл устраиваться, внимательно посмотрел на него и парировал:

– Какими будут ваши действия на случай пожара или, скажем, попытки ограбления?..

– Позвоню в полицию.

– Замечательно! И что вы им скажете, когда от вас потребуют объяснений?

Кроме слов «файер» и «робер» – пожар и вор, ничего в

голову ему не пришло. Больше подобных вопросов Гриша не задавал. Несколько дней вечерами листал самоучитель и словарь, а когда составил подходящие фразы, прочитал их своим домашним. Они догадались о чём идёт речь, но...

– Без хорошего произношения тебе не обойтись, – посоветовала дочь, – тебя могут не так понять. Запомни правильное звучание слов, и не надо спешить...

Не спешить он не мог, но время, казалось, застыло для него. По воскресеньям Гриша читал десятки объявлений в газетах, выбирая новый объект посещения на каждый день недели. Уже несколько человек из их группы перешли в другую смену изучать язык – нашли себе что-то. Они показывали ему приглашения на интервью, а у него ещё не было ни одной даже мало-мальски серьёзной встречи ни с кем.

В последнее время, чаще во время ужина, у него пропадал аппетит. И как ни старалась жена, готовила их любимые блюда – в рот ничего не лезло. Вот и сегодня он отодвинул от себя тарелку, налил в чашку чай, и подошёл к окну. С высоты шестого этажа машины внизу казались тараканами, ползающими в поисках парковки. С воем проехала «скорая». Людей было мало и они спешили, возвращаясь после работы к своим домам. Даже звёзды на небе то появлялись, то куда-то исчезали. Приглядевшись, он увидел, что туча, похожая на ломоть хлеба, закрывала собой мигающие ему яркие огоньки. Скоро и она тоже уплывёт куда ей надо... Все чем-то заняты, а бить баклуши достаётся ему...

– Ещё немного и ходить будет некуда, – думал он, – круг замкнётся. И что делать тогда? Сидеть на шее жены, которая ежедневно выделяет ему несколько долларов на питание и проезд? Дожился...

Гриша был офицером. В недалёком прошлом. Другой жизни он себе и представить не мог – ведь рос в семье военнослужащего. Детство и юность его прошли в разных гарнизонах. Менялись республики, школы, климат. Последним местом службы отца было Забайкалье. Там юноша закончил поселковую школу.

Вокруг него всегда были танки. Он не просто видел эти грозные машины. Солдаты разрешали мальчишке посидеть внутри и подёргать за рычаги, объясняли устройство разных механизмов. И он хотел пойти по стопам папы – офицера-танкиста. Но был у них друг семьи, сослуживец и однополчанин отца, Пётр Сергеевич, который часто приходил к ним. Гришка дружил с его сыном, Санькой, своим ровесником. Рассказы Сергеича, как все называли его, и повлияли на выбор их профессии.

– Знаю, что вы мечтаете стать офицерами, – делился отец друга своими мыслями, – это очень хорошо и почётно. Я ведь прошёл всю Отечественную, но не желаю вам пережить то, на что посмотрелся сам. Защищать Родину – значит убивать её врагов. Этому учат в армии прежде всего. Вы видели в кино, как взрывается снаряд, разрушая цель, а я воочию – как разлетаются ошмётки человеческих тел... Мы делали эту

работу... Но сейчас другое время, и я пожелал бы вам не разрушать, а строить...

Ребята поступили в военно-инженерное училище, стали офицерами-строителями. Потом их пути разошлись по разным местам службы.

* * *

Прошло немало лет. Грише нравилось его занятие: он строил. Весь отдавался своему делу, а к его мнению, как специалиста, прислушивались и ценили. Как-то ему приказали явиться к командиру части с докладом по новому объекту. Но после долгого делового обсуждения разговор зашёл совсем о другом:

– На тебя пришёл запрос, – поменял тему генерал, посмотрев на него в упор.

– Откуда? – не понял Григорий.

– Ладно, я и так уже много сказал, уразумел?..

– Так точно!

– Иди, тебя ещё вызовут...

К этому времени Гриша занимал должность командира строительного батальона, имел много поощрений... За годы службы успел хорошо изучить географию страны, меняя военные городки, женился. Дочь училась в пединституте, жена работала медсестрой. Биография каждого из них была на виду. Ещё с неделю поволновались всей семьёй. Обсудили и

вспомнили всё, что могло придти в голову, но ничего предосудительного не нашли...

Вызвали Григория только через месяц, в самом конце рабочего дня. В кабинете, куда он вошёл, настольная лампа осветила погоны согнувшегося над письменным столом человека.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться...

Офицер поднял голову и, резко встав, сделал несколько шагов навстречу:

– Ну, здорово, Гришка! Мне сказали, что ты на объекте, а я уже больше часа дожидаюсь тебя...

Они обнялись. Это был... Санька, с которым он не виделся после окончания училища.

– Приглашаешь к себе, майор, или как? – спросил давний приятель, – разговор-то предстоит долгий...

– Конечно, только домой позвоню, чтобы жена «поляну накрыла».

Дома у Гриши, за бутылкой водки, выяснилось, что престарелая тётя жены выслала ей вызов из Израиля. По старому адресу, не зная, что она там не живёт. Переписка между ними прекратилась много лет назад, а племянница давно вышла замуж за военного...

– Вот и разобрались по-хорошему, – вкушал Саня домашние разносолы, – твоё счастье Гришка, что на меня попал... Во-первых, сам понимаешь, какое тут дело можно было открыть: скрыл родственницу за границей, а сам секретные

объекты строит... Смотрел я сейчас твоё личное дело. Служба идёт нормально, придраться не к чему, всё путём... А я уже давненько в этой «конторе» служу, вот и такой бодягой приходится заниматься. Честно говоря я сразу согласился, когда предложили к ним перейти. Вот ты сидишь в своём Простоквашино, а мне квартиру в областном центре дали. Правда, батя, тогда ещё живым был, не советовал: не меняй, говорил, совесть на погоны. Ну, ты же его взгляды помнишь... Но теперь время не то: лучше я буду уму-разуму других учить, чем меня... Настоялся на площадках, напахался, как же... Наелся всего по горло... Ничего, сейчас сам многих к ногтю прижал...

Но есть, Гриша, ещё и, во-вторых. Письмо о твоих деяниях, так сказать, «местного разлива». Не догадываешься? Об этом Расскажи-ка мне более подробно, о Цизмере...

– О Яше Цизмере?!

– Именно о нём. Цитирую по памяти: «...перевёл рядового, еврея Якова Цизмера на отдельный участок. Назначил на ответственную должность с дополнительным пайком...». Что-то неправильно, или не так?

– Всё так. Избили у меня солдата до крови, попал в госпиталь. Пришлось мне разбираться. Подсказал мне его комзвода, что видел, как стирал он чужие гимнастёрки, делал за кого-то дополнительную работу. Было это не раз, не два. Стали известны и другие факты издевательства над ним. Вызвал я его к себе, спрашиваю:

– На кого стараешься, парень?

Ничего не ответил, но лицо побелело, а в глазах заметался такой страх, как перед расстрелом... Тебе дальше рассказывать?

– Мы знаем об этом. Дедовщина стала повсеместным явлением, куда ни глянь...

– Перевёл я его на другой объект. Там работа труднее, поэтому и получает, что положено по нормативам. А служит хорошо, призвался после строительного техникума. Мне такие перестановки приходится делать. Но ты сам видишь, каких только национальностей в батальоне нет, а внимание обратили на еврея...

Когда Гриша вышел проводить Саню к вызванной машине, тот, обняв его обеими руками, абсолютно трезво и отчётливо сказал на ухо:

– Рад, что не ошибся в старом друге. Скоро твой дембель, старик. Бери своих и мотайте отсюда подальше.

– Куда? – попытался сообразить он.

– Да хоть к «Бениной маме»... Неужели ты до сих пор не понял в каком дерьме купаешься? Я своё место нашёл, а вам тут ловить нечего...

Не сразу пришло «созревание» в семью офицера, их готовность к отъезду, но через несколько лет они прощались с Москвой через стекло автобуса, который вёз их с железнодорожного вокзала в Шереметьево.

Тускло горели уличные фонари, начал накрапывать

дождь. Грише перехотелось стоять у окна. Он подошёл к столу, подлил уже остывшего чая, затем поднял слетевшую на пол газету и снова стал читать объявления. Сегодня он ездил в одну крупную строительную фирму, где даже поговорил с клерком по-русски. Тот, пытаясь быстрее отвязаться от очередного соискателя в конце рабочего дня, сунул ему посмотреть какой-то чертёж. Гриша понял это, но, увидев в нём ошибку, не удержался и исправил её. Потом заполнил анкету, услышав на прощание обычное: ждите ответа.

– Папа, – позвала его дочь, – ну чего ты там сидишь один, иди к нам, сейчас фильм по телеку начнётся.

Гриша зашёл в гостиную, где удобно устроились на диване жена и дочь. Диктор уже объявил название старой, ещё из той жизни кинокартины, которую они все с удовольствием смотрели не раз.

Началась музыкальная увертюра, стремительная и радостная. И тут Гриша почувствовал, как всё в нём наливается злостью, каким-то протестом против всего, что окружало его в новой жизни, против этого уюта... Не в силах сдержать себя, срывая голос, он вдруг закричал:

– Дуры, какие же вы дуры! Неужели вам не понятно, что я так больше не могу?! Вы заняты. А я, здоровый мужик, должен жить на ваше подаяние?! Да разве вы знаете, что такое настоящая работа?.. Когда начинаешь её с нуля, с котлована, а потом всё поднимается, растёт вверх, как живое...

Он ходил по комнате и никак не мог сдержать ни резких

движений, ни колючих слов, пока не пересёкся взглядом с женой... Она смотрела на него и плакала... Никогда раньше он не видел её в таком состоянии – это остановило его. Ещё дрожа от возбуждения, Гриша присел рядом, а она прильнула к нему. Осторожно поправила упавшие на лоб волосы, провела ладонью по щекам...

Он тяжело дышал... Ему было стыдно, горько и обидно, что не сумел сдержаться, выплеснул своё горе на них, самых близких и дорогих людей... Разве они виноваты, что не везёт ему, крутилось в голове.

– Пойду, прилягу, – сказал он вслух, – извините, я не знаю, что происходит со мной...

Закончился фильм, а за ним и программа новостей, когда зазвонил телефон. Кто это, так поздно, удивилась дочь, но трубку взяла.

– Простите, ради Бога, за поздний звонок – прозвучал мужской голос, – но я никак не мог раньше... Григорий Семёнович – это...

– Мой отец...

– Он служил в стройбате?

– Да.

Пожалуйста, разволновался голос, я вас очень прошу... позовите его к телефону. Он, наверное, спит, но поверьте – это очень важно...

– Папа, – растолкала Гришу дочка, – протягивая ему телефонную трубку. Ты не сердись, но тебя срочно просят...

– Меня? – удивился он, – слушаю вас, кто это?

– Товарищ майор, – разрешите обратиться, – рядовой Яков Цизмер на проводе...

– Цизмер?.. Откуда... Как вы нашли меня?.. – совсем растерялся Гриша.

– Это вы нашли, – стал объяснять Яков, – днём вы приходили в наш офис. У нас с отцом тут своя строительная фирма. Мне передали анкету и исправленный вами чертёж. Когда я показал его отцу, он сразу сказал:

– Чувствуется рука классного специалиста.

И я подтвердил это... Нам нужен такой инженер. Вы приняты на работу... Ждём вас завтра к девяти утра...

Зовут меня Изька

Маня услышала знакомое, громкое урчание мотоцикла ещё на кухне. Она заправляла салат майонезом и, наскоро облизнув ложку, выбежала через комнату на балкон.

Дом их был старой постройки, небольшой, двухэтажный, где она с родителями жила на втором этаже. Со всех сторон его окружали деревья, а от подъезда, увитого вьюном, дорожка через палисадник вела к асфальтированной площадке. Там, уже успев снять с головы танковый шлем, улыбался её Изька. Смятые, чёрные кудри его волос упали на лоб, а широкие ноздри вдыхали в себя ароматы июльского дня. Отблески яркого света просачивались через крону ветвей и играли на широких скулах, выделяя толстые губы.

– Сиди так и не двигайся, – восторженно закричала Маня, – я мигом назад...

Она вернулась с фотоаппаратом в руках и стала щёлкать им, отправляя своего парня с сидения на багажник, за мотоцикл и рядом с ним, пока это не надоело ему.

– Мне зайти к тебе? – прервал её занятие Изька.

– Подожди, я сама выйду, – ответила Маня, – только приведу себя в порядок.

По своей привычке он ещё проверял тормоза и стучал по колёсам ногой, когда она бесшумно прильнула к нему сзади. Взырошив волосы, Маня прикрыла его глаза своими ладо-

нями. Они пахли духами и таким родным, домашним запахом, что Изя, не в силах вынести это испытание, сразу повернулся к ней. Притянув к себе, стал целовать её шею, щёки, губы...

– Изька, ты задушишь меня, – мягко отталкивала его довольная Маня, тут же люди кругом...

– Ну и пусть, где они? – не унимался он, – пусть смотрят, как я люблю тебя. С днём рождения, Манечка, протянул ей заранее спрятанный в кустах букет цветов, а главный подарок будет вечером. В ответ он поймал радостный взгляд, и уже не мог оторваться от её глаз. Теперь только розы отделяли их друг от друга. Двадцать два ярко-красных бутона – столько лет ей стукнуло в этот день.

Познакомились они перед школьными выпускными экзаменами. Он ожидал приятеля после консультации в коридоре, но в гурьбе вышедших из класса ребят, сначала увидел её. Девушка чуть ниже среднего роста шла с туго набитым портфелем, который сильно оттягивал руку. Ему от этого так стало не по себе, что он сразу подошёл к ней и предложил:

– Давай помогу. Потом представился: зовут меня Изька.

Она остановилась, внимательно посмотрела на него и... отдала свою ношу.

Был он старше на год и учился в последнем классе вечерней школы. Знакомство перешло во встречи и совсем скоро они почувствовали, что с каждым днём их всё сильнее тянет друг к другу. Когда она поступила в техникум, а родители не

всегда разрешали ей вечером выйти погулять, Изя всё равно подходил к дому. Маня открывала окно, или выходила на балкон, чтобы обменяться с ним взглядом... Этого было достаточно, чтобы потом выдержать весь следующий день до вечера. И тогда они убегали в кино, а в погожие дни бродили по городу, шептались и целовались на скамейке их любимого сквера.

Изя любил моторы – всё что ревело, трещало и заводилось. Окрестные ребята приводили к нему на ремонт велосипеды, а в шестнадцать лет он уже хорошо разбирался в мотоциклах и машинах. Недалеко от многоквартирного дома, где он жил с мамой, находился большой гараж какого-то предприятия, и всё свободное время он проводил там: смотрел, помогал, учился у мастеров. Но, получив аттестат зрелости, пошёл в подмастерья к знакомому сантехнику, чтобы получить ещё одну хорошую специальность, которую освоил довольно быстро. Теперь он мог собрать деньги на мотоцикл, о котором мечтал, и купил его перед призывом в армию. При этом с каждой полочки баловал Манечку, а по другому он никогда её не называл, конфетами, да разными безделушками.

Срочную Изя отслужил механиком-водителем танка, стал сержантом. Каждую неделю писал подруге о своих делах и радовался её успехам. Теперь, после весенней демобилизации, они продолжали встречаться ежедневно.

– Так до вечера? – он снова завёл мотор, – я ведь к тебе

с работы заехал. Бригадир попросил эту субботу отработать, потом отгул даст...

– Подожди, – перебила Маня, – я буду ждать тебя в понедельник.

– Почему? – насупился он, – день рождения у тебя сегодня...

– Зачем же дуться? Ты знаешь, что к нам приехали родственники попрощаться? Всего на два дня. Знаешь. Завтра вечером они поездом отправятся в Чоп, а оттуда через Вену в Израиль. Я больше никого не приглашаю, ты придёшь один.

– Хорошо, – успокоился Изя, – но хоть выгляни. Думаю, что буду после семи.

– Я не знаю как будет со временем, дома полно людей. Мы с мамой должны их кормить, потом я обещала показать им завтра город. По квартире разбросаны их вещи... Надо помочь сложиться, пойти и заказать такси...

– Всё, всё, уговорила, – притянул её к себе Изя, – только именинница ты сегодня, дай я тебя ещё раз поцелую...

Когда Маня вернулась домой, то почувствовала такую усталость, что вместо кухни зашла в комнату и прилегла на диван. Потому что всё внутри у неё сжималось от переживаний, которые она уже несколько дней носила в себе, но не могла ими поделиться с Изей. После недавнего разговора с родителями... Теперь, в полудрёме, он всплывал перед ней снова:

– Ты уже совсем взрослая, – начал беседу отец, – и знаешь,

что мы собираемся в Хайфу.

– Да, папа, знаю.

– Но мы с мамой хотим, чтобы ты сначала вышла замуж.

– Конечно, – подтвердила мама, – а как же иначе. Известно, что там будет на первых порах, а тебе нужна опора, хороший парень...

– Но у меня есть парень, – не выдержала Маня, – вы же знаете, как давно мы встречаемся...

– Кто у тебя есть, – повысил голос папа, – кто!? Этот патлатый Изька!? Он знает, что такое парикмахерская!? Спроси у него...

– У него такие волосы, папа, они мне нравятся!

– Но ты хоть раз бывала у него дома, знаешь, кто его родители?

– Я подъезжала с ним на мотоцикле к его подъезду, но в квартиру не заходила. Знаю только, что папы у него нет.

– Наш дядя Миша живёт в их районе. Оказывается, он знает его маму. Так вот: она продаёт на базаре пирожки от «Треста столовых»...

– Ну и что! – стала закипать Маня, – мне всё равно, кто что продаёт. Я люблю его, и больше мне никто не нужен!

– Я тебе говорила – это будет пустой разговор, – взглянув на мужа, поднялась со стула мама. Хорошеньких же родственников ты нам подбираешь, Манечка, а твой папа всё-таки работает прорабом на стройке...

– Подожди, – посадил её жестом отец, – не надо нам ссо-

риться, да ещё перед днём рождения. Мы же хотим тебе счастья, доченька. Ну, подумай, как я буду смотреть в глаза людям... Ладно, примиряющее добавил он, в воскресенье вечером наши гости уедут... Пригласи твоего Изьку на понедельник, посидим за столом, поговорим...

– Хорошо, – угрюмо согласилась Маня.

* * *

До конца рабочего дня настроение у Изи было испорчено. Не радовал его ни жаркий солнечный день, ни похвала начальника участка за своевременно сданный объект. Его бригада успела подключить воду к новой многоэтажке, и счастливые новосёлы благодарили рабочих, приглашали к праздничному застолью...

Изя давно и с нетерпением ждал именно этого дня рождения Манечки. О нём он думал по ночам в казарме, представляя, как проведёт его, вернувшись на «гражданку», загодя готовился к нему. Через девушку своего приятеля, продавщицу ювелирного магазина, купил красивое золотое колечко. Долго размышлял, как поступить дальше, и решил сделать двойной сюрприз. Сначала привезти Манечку к себе, представив маме как невесту, а потом у неё дома, в присутствии родителей сделать ей предложение и вручить кольцо. Мысль об отказе даже не могла придти ему в голову...

Жених понимал, что Манечка занята и у неё другие дела,

кроме него. Но что-то тяжёлым комом сидело внутри, ежеминутно давило, не давая покоя. Может, увижу её и полежит как всегда, подумал он, подъезжая ранним вечером к знакомому дому. В окнах ещё не было света. Изя подождал несколько минут, попеременно заводя и выключая мотор, но ни балконная дверь, ни окно не приоткрылись. Всё же знакомая обстановка успокоила его, и он решил поехать домой.

Дома мама смотрела телевизор, но долго высидеть с ней у экрана он не мог. Потянуло на улицу и Изя решил пойти погулять. Жили они на окраине города. Рядом тянулась ветка железной дороги, а за ней начиналось кладбище. Ноги потянули его на любимое с детства место – площадку. Когда-то там были качели, турники, песочница... Но потом она осталась без присмотра, затянулась по краям травой и кустарником. У поломанного забора стоял столб с одиноким фонарём, который тускло освещал шатающийся стол и врытые по бокам скамейки. Там уже сидел его сосед по улице, Петька, которого ребята называли не иначе, как «Петька-золотые ноги». Кличку этот верзила получил за свои блестящие легкоатлетические данные. В считанные минуты он мог по просьбе собутыльников сбегать в ближайший продмаг. Там растолкать любую очередь, чтобы купить и быстро доставить обратно авоську с выпивкой.

Увидев Изю, парень радостно закричал:

– Давай сюда, танкист. Сколько торчу, а ещё ни один пацан не приходил...

– Привет, Петух, – сел напротив бывший солдат.

Петька ожидал скорого призыва в армию и давно искал случая подробно расспросить Изю о службе. Он стал засыпать его разными вопросами, пока чуть не подскочил на месте:

– А чего это мы с тобой просто так болтаем, скоро же магазин закроется! Изь, поставь сегодня, а? Гадом буду – в следующую субботу верну...

– Лады, – только возьми сухаря, я крепляк не пью, – протянул ему деньги. А про себя подумал, что надо бы выпить за Манечкино здоровье в день её рождения.

Петька, как всегда, быстро вернулся обратно, но вслед за ним увязалась местная знаменитость, Липа – девушка приятной внешности, но непонятного возраста. Она уже была навеселе, а теперь подсела к ребятам в надежде выпить и с ними. Липа жила в их районе, но никто не знал ни чем она занимается, ни её настоящего имени. Всем, правда, было известно, что за бутылку она готова прилипнуть к любому, кто позовёт. Поэтому и прозвали её так. Тем не менее девушку жалели, приглашали поесть, давали одежду... Потому что была она круглой сиротой и жила на квартире у одной старухи.

Прошло какое-то время, все выпили, начали травить анекдоты, да и говорили о самом разном. Липа быстро освоилась за столом, а изрядно захмелев, стала бросать на Изю долгие взгляды... Он не обращал на неё никакого внимания,

и тогда она, подкравшись сзади, крепко обхватила его руками, прижавшись всем телом.

– Отвали, – как бы невзначай, – сказал Изя.

В ответ она, погладив по голове, стала водить по его лицу пальцами, которые пахли табаком и ещё каким-то непонятным, противным запахом. Потом, поцеловав мочку уха, страстно прошептала:

– Идём ко мне, я тебе дам...

– Что ты мне дашь? – громко спросил Изя, – пытаюсь встать.

– Ах ты, котёнок непонятливый, или делаешься... – всё ещё обнимала его Липа.

Он резко поднялся и, повернувшись к ней лицом, приподнял правую руку, пытаясь оттолкнуть её от себя. Она успела перехватить его ладонь и, изо всех сил со злостью укусила большой палец, до крови... Тут же, закричав, отбежала в сторону, ожидая удара. Изя отошёл на несколько шагов к траве и, сорвав лист подорожника, обмотал им раненое место.

– Я пошёл, – кивнул он Петьке.

– И я с тобой, – сорвался тот вслед за ним, – крикнув на прощание оставшейся девице: «Ну, и дура же ты!».

Липа посидела ещё немного, потом, допив остатки вина, с размаху бросила бутылку оземь. Она не разбилась, а, чуть покотившись по траве, застряла в кустарнике. Головка же, издевательски выглянув оттуда, показалась ей протянутой

дулей...

– Побрезговал, – пронеслось в пьяной Липиной голове, – другие просят, а этот не захотел... Сам же в подвале живёт, евреец-красноармеец. Ну, подожди, завтра я тебе что-то придумаю...

* * *

На следующий день, как всегда по воскресеньям, Изя заехал к своему приятелю. Они когда-то жили по соседству, дружили с детства, вместе призывались в армию, а сейчас и работали в одной организации. Всегда улыбчивый, весёлый, Изя был мрачен и, отказавшись от предложенного пива, рассказал ему о событиях прошедшего вечера.

– Но это ещё не всё, Илька. Сегодня утром Липа притащилась к нам домой и заявила маме, что я её изнасиловал, и если к вечеру мы не дадим ей тысячу рублей, она сообщит об этом в милицию...

– Да кто поверит этой шалаве, – возмутился Илька, – когда весь город её знает. Ты ведь ушёл вместе с Петькой. Пошли эту проститутку ко всем чертям! Думаешь в милиции дураки сидят, разберутся они, даже не переживай...

– Я тоже надеюсь на это... Вот что, Илька, мне надо ехать обратно. Мама там сидит одна и плачет, сколько я не успокаивал её... Она и сама не верит в эту чушь, но... Если что случится со мной, зайди к Манечке, расскажи ей, как всё бы-

ло...

В понедельник утром за Изей приехали... Его взяли в армейском комбинезоне, когда он выводил из сарая свой мотоцикл, собираясь на работу.

Первый допрос не принёс результатов. Уже немолодой капитан выслушал рассказ парня, ещё не зная как к нему отнестись – слишком всё было просто и ясно. Он снова прочитал заявление Липы, понимая, что зацепиться, кроме укушенного пальца подследственного, не за что. Осмотр места происшествия ничего не дал: не было ни следов примятой травы, ни других возможных улик. Да и эту девицу в их «конторе» хорошо знали – давно состояла на учёте... Но был капитан в том возрасте, когда задумываются о будущей пенсии. Звание майора уже много лет где-то зависло, и вряд ли могло выпасть ему... А тут такое дело подвернулось, как раз, кстати... Значит надо обязательно дожать, раскрутить его... Ох, как надо...

На следующий день Петьку вызвали к следователю. С девяти утра до двух часов дня он просидел в коридоре. Всё это время смотрел на проходивших людей в форме и без... Видал, как два милиционера провели хмурого мужчину с руками, заложенными за спину. Слышал чьи-то отдалённые крики... Когда он зашёл в кабинет, то от страха с трудом назвал свою фамилию...

Ему дали подписать какую-то бумагу и объяснили, что он взял на себя ответственность за дачу ложных показаний.

Мужская солидарность – всегда хорошо, сказали ему, но если он не хочет тут же отправиться в камеру, то должен честно рассказать всю правду... После этого он подтвердил, что видел, как Изя, распрощавшись с ним, не пошёл домой, а вернулся на площадку... Дальше была принята версия Липы, которая показала, что там он стал приставать к ней. Она, сопротивляясь, укусила его за палец, но насильник всё равно сделал своё дело...

Следствие длилось не долго, а суд, признав Изю виновным, приговорил его к длительному сроку лишения свободы.

* * *

Прошло двенадцать лет. В один из летних воскресных дней молодая женщина с ребёнком пришли домой после прогулки к морю. Наступал вечер и зной в Хайфе постепенно спадал. Напомнив дочери, что надо помыть руки перед едой, мама отправилась на кухню, но телефонный звонок оторвал её от холодильника.

– Ма нишма? – спросил мужской голос на иврите, – что слышно?

– Аколь бэсэдэр, – как всегда ответила она, – всё в порядке. Алло, алло... Кто это? Почему вы молчите? – продолжила по-русски.

Она хотела закончить разговор, так как на другом конце провода слышалось только учащённое дыхание, но интона-

ция голоса показалась ей очень знакомой... Это заставило прижать трубку к уху. И, вдруг, сквозь спазм голоса, из неё взволнованно вырвалось:

– Изя, – это ты?..

– Да, Манечка, – тихо прозвучало в ответ.

В своё время им мало приходилось общаться по телефону. Домашних у них не было, а он всего несколько раз звонил ей на работу.

– Где ты?

– В Ашдоде, – завтра я приеду к тебе.

– Ты знаешь мой адрес?

– Знаю, – извини, это служебный телефон, – больше не могу говорить. До встречи...

– Подожди, – назови свой номер, – я перезвоню тебе...

На этом разговор прервался, но на следующий день Изя не приехал. Прошла неделя, другая, он не появлялся... Маня уже не знала, что думать, когда в один из вечеров поздний звонок застал её за составлением балансового отчёта, который она не успела закончить на работе. Дочь с мужем давно спали, и она, оторвавшись от своей писанины, резко схватила трубку.

– Добрый вечер, – произнёс чей-то мужской голос.

– Добрый, – удивилась она, – кто это?

– Илюша, – Изин друг, – если ты помнишь меня.

– Конечно, помню, – обрадовалась Маня звонку, – но тревожное предчувствие сразу охватило её. Ведь ещё там он

первый рассказал о страшной беде...

– Илюша, милый, что-то случилось?

– Да, – тяжело вздохнув, сразу ответил он. – Этот вопрос снял с него то вступление в разговор, которого ему так не хотелось... Изя... ушёл...

– Как ушёл? Куда?.. – не совсем поняла Маня.

– Навсегда ушёл... Сердце...

– Но он же звонил мне... – непонятно за что хотела ухватиться она.

– Я знаю. В этот день мы с ним поехали в один магазин, и у входа столкнулись с Этей, твоей подругой. Это она нам дала твои координаты. Как он обрадовался! Ведь его первый вопрос по приезду сюда был о Манечке...

– И не написал мне за все годы ни одного письма... – сквозь плач пробился Манин голос.

Она была потрясена случившимся и с трудом останавливала рыдание, которое всё равно возвращалось к ней во время разговора...

– Он писал, и не раз, особенно в первое время, но ответа не было от тебя...

– Мы ещё жили там какое-то время, потом перебрались к маминим друзьям в другой город, а оттуда уже выехали навсегда, – немного успокоившись, – вспоминала Маня. Папа боялся, что нас могут не выпустить из-за Изи. А почту из ящика всегда доставал только он... Как я не подумала об этом... Вскоре всё закрутилось: улыпан, курсы по специаль-

ности... Я долго не хотела, да и не могла ни с кем встречаться. Потом поняла, что прошлого не вернёшь, надо устраивать свою жизнь. Знакомый адвокат мне сказал, что после заключения сразу за кордон не выпускают, люди ждут разрешения годами. А Изя получил десять лет... не писал, пропал... Я была очень обижена на него... Пыталась найти его маму, но у меня ничего не получилось. Тебя ведь я знала только по имени, фамилией никогда не интересовалась... Ну, что ещё... Вышла замуж, Кариночке уже семь лет.

– Ты поменяла фамилию?

– Да, как только приехали, даже дважды... Сначала перешла на мамину, так настоял папа, а потом на мужа...

– Поэтому я не нашёл тебя. После возвращения из колонии, Изя жил в Прибалтике, куда переехала к родственникам после суда его мама. Разрешения на вызов, который я организовал им, они ждали не долго. Потом встретил их в Израиле, помог ему найти работу. А приехал он уже с больным сердцем.

Изыка всё время думал о тебе, купил тут новый мотоцикл, даже шлем свой старый привёз с собой... До последнего верил, что найдёт тебя...

– Откуда он звонил?

– Из больницы. Когда он вернулся домой, узнав твой адрес и телефон, то сразу захотел сделать сюрприз – неожиданно приехать к тебе. Уже завёл мотоцикл, но у него сильно закружилась голова, стало плохо... Мама, которая вышла

на улицу проводить его, вызвала скорую и поехала вместе с ним. Вечером ему полегчало, а ночью его не стало...

Мань, ты помнишь тот день, когда я пришёл к тебе после ареста Изи? Ты сунула тогда мне в руки свой «Зенит» и сказала: «Он здесь...».

– Помню... Я очень испугалась, что у меня заберут всё, связанное с ним... Ко мне приезжали из милиции домой, вызывали, много спрашивали...

– Я тоже был очень расстроен... Плёнку проявил почти сразу, но только спустя, наверное, месяц, отпечатал снимки... Когда снова пришёл к вам, соседи сказали, что вы уехали...

– Не обижайся, Илюша. Ты не можешь себе представить, в каком состоянии я находилась... Уволилась с работы, плохо спала, не могла притронуться к еде... Я ведь ни с кем не попрощалась, не только с тобой. А с Этей мы случайно попали в один ульпан...

– Фотки эти мы привезли с собой. Когда Изя с мамой пришли к нам в гости, я отдал ему их. Несколько штук он подарил нам с женой, а одну стала рассматривать моя старшая дочь. Она подошла ко мне и спросила:

– Папа, кто это?..

Мне стало не по себе, я даже растерялся: Изя очень изменился в лице, сильно похудел, почти полностью полысел... Но он услышал вопрос дочери и, взяв у неё снимок, улыбаясь, что-то написал сзади.

Я завтра вышлю его тебе по почте, а сейчас буду прощаться, уже слишком поздно.

– Дай мне свой телефон, – попросила Маня, – и передай привет жене и детям. Надеюсь, мы увидимся?

– В следующие выходные я обязательно позвоню.

Уже через день, вечером, Маня достала из ящика стола конверт, который решила открыть после того, как её домашние лягут спать. С нетерпением надорвала его и, задев пальцами края оттопырившихся углов, вытянула фотографию, поднеся её к настольной лампе. На неё смотрело счастливое, радостное лицо. Оно улыбалось ей, а в самом взгляде было столько нежности и любви, что от неожиданности она встала. Руки, задрожав, выронили снимок, упавший глянцевой поверхностью на стол. И сквозь намернувшиеся на глаза слёзы, Маня прочитала надпись, сделанную с обратной стороны: «Это я – Изька».

«А король – то голый...»

*Светлой памяти Доры и Дюри Нойбауэр, Зелика
Ротмана и многих других... посвящая*

По крутой, мощённой булыжником улице, поднимались машины. Они тужились и пыхтели, обдавая всё вокруг себя дымом. Но ни урчание двигателей, ни гарь, зависающая в воздухе, не могли скрыть красоту июльского утра. Его яркая синева уже стекала с крыш на мостовую, а лучи давно проснувшегося солнца заводи́ли невообразимую карусель. Они гонялись за кошками и прищуривали лица прохожих. Один из них, соскочивший с зеркала проезжавшей легко-вушки, прыгнул в комнату рядом стоящего дома, а там так брызнул искрящимися осколками, что заставил вскочить игравших за столом детей. Вдогонку за ним ещё и незнакомый женский голос на улице громко произнёс:

– Мальчик этот будет лётчиком, а девочка – пулемётчицей.

Услыхав такое, Светка с Вадиком переглянулись и кинулись к окну. Кроме цветного подола платья, из которого выглядывали ноги, они ничего не увидели. Светка стала крутить головой, но Вадика, который жил там – это нисколько не удивило. В свои одиннадцать лет он привык воспринимать окружающий его мир через ноги. Ведь только их можно бы-

ло увидеть через окно небольшой полуподвальной комнаты, в которой он жил с родителями. По утрам они шаркали, цокали, а то и скользили в зависимости от времени года. А после школы их тени падали на письменный стол, за которым он делал уроки.

Встав на стул, Вадик широко распахнул полуоткрытое окно, увидев улыбавшуюся женщину.

– Вот мы и познакомились, – присела она на корточки и провела вытянутой рукой по его голове. Зовут меня Вера Степановна, я буду вашей соседкой, жить рядом через стенку. А твоё имя я уже слышала...

Светка подтолкнула Вадика и вылезла вслед за ним на улицу. Они уселись на подоконнике, свесив ноги на тротуар, и с интересом разглядывали незнакомку. Чуть ниже была открыта дверь в её квартиру, куда зашла Вера Степановна, сделав им знак рукой подождать. Она вынесла стул и большой саквояж, а потом ширму, которой загородила тротуар. Спустя ещё минуту через неё перекинули ноги кукольные мальчик и девочка. Они сразу заговорили разными голосами, стали бегать и кричать, шутить, смеяться, читать стихи. А потом задавать вопросы, и... отвечал им уже целый хор сбежавшихся детей. Невольно зрители стали перекрывать и проезжую часть дороги, но когда машины рассерженно загудели, куклы закричали:

– Глянь, на улице затор! Переходим все во двор.

Через несколько минут представление продолжилось во

дворе большого трёхэтажного дома. И тут каждый из ребят нашёл себе место. На траве расположились вечно сопливый Эдик и усыпанная веснушками его сестра, огненно-рыжая Голда; застыл на коленях, закинув руки за голову и, высушив от удивления язык, Феликс; стоял на стульчике маленький, подслеповатый Люсик... Время от времени они с восхищением и завистью поглядывали в сторону Вадика, который чувствовал себя именинником, потому что все уже знали: добрая фея и кудесница Вера Степановна – его новая соседка.

Вечером дети всего дома взахлёб делились своими впечатлениями о кукольном спектакле с родителями, но почему-то не все они были рады этому.

На следующий день Светка, спустившись со своего третьего этажа, рассказала Вадику, что её мама ходила в домоуправление что-то выяснить в отношении тёти Веры.

– Зачем, – вырвалось у него, – разве тебе не понравилось её выступление вчера?

– Очень даже понравилось, – ответила Света, – но мама сказала:

– А если эта тётя аферистка? Может повториться прошлогодняя история...

Подружка была старше Вадика на целый год и знала много непонятных ему слов. Увидев замешательство приятеля, она пояснила:

– Это, как обманщица, понимаешь? Почему она не дала

нам билеты?

– Ну и что, – насупился Вадик, – нам уже их давали, помнишь?

– Помню, – посмотрела на него Светка.

Год тому назад, в самом начале летних каникул, они играли во дворе с ребятами. У забора стоял пустой, заброшенный сарай – самое подходящее место для «штаба». И все приступили к его обустройству. Каждый приносил туда из дома всё, что мог: стул, гвозди, проволоку, офицерскую планшетку, старый телефонный аппарат...

– У вас так интересно, – подошёл к ним незнакомый мужчина, который зашёл во двор с улицы и наблюдал за их игрой, покуривая в сторонке. – Я вижу, что в будущем все станут настоящими солдатами, но готовы ли вы к испытаниям уже сегодня?

– Всегда готовы! – радостно закричали ребята, – большинство из которых были пионерами.

– Молодцы, – я в этом и не сомневался, – улыбнулся он. Хорошо, сейчас мы это проверим. Кто из вас хочет прыгнуть с парашютом, поднимите руки. От такого счастья все на миг онемели, а потом бросились к нему с поднятыми руками.

– Понимаю, – достал мужчина из кармана рулончик с трамвайными билетами, – но, пожалуйста, не толкайтесь, хватит на всех. Только учтите, в небе на высоте холодно. Чтобы немного закалить себя, пока я съезжу на аэродром подготовить самолёт, вы должны раздеться до трусов. Може-

те пока всё положить сюда, кивнул он рукой на стоящую рядом скамейку.

Разгорячённые от игры, дети с удовольствием сняли с себя верхнюю одежду и обувь. После этого руководитель прыжков завёл всех в сарай:

– Тут прохладное и хорошее для закали место. Я скоро вернусь, но имейте в виду – кто уйдёт раньше, может потерять свою очередь.

Первой продрогла Светка. Выскочив, чтобы одеться, она прибежала обратно с криком:

– Наши вещи пропали!

На скамейке ничего не было. Не совсем поняв, что случилось, ребята разбрелись по домам. Скоро приехали милиционеры, вызванные родителями. Они сразу определили, что произошло. В тот же день на базаре задержали незадачливого «парашютиста», торговавшего детской одеждой. Историю эту ещё долго обсуждали в их дворе, где теперь к каждому постороннему человеку относились с подозрением.

В дверь позвонили. В комнату вошла мама Светы, радостная и смущённая:

– Напраслину я возвела, доченька, на Веру Степановну. Хороший она человек, артистка. Будет работать в нашем городском кукольном театре.

– Ура! – закричали Светка с Вадиком, а вместе с ними и его тётя, которая зашла навестить племянника, и дети успели ей всё рассказать.

Дом, в котором они жили, напоминал большую букву «П», верхушкой выходившую на улицу. По всему периметру второго и третьего этажей со стороны двора тянулись балконы, куда выходили окна и двери многих квартир. Тёплыми летними вечерами там собирались семьями, и весёлая переключка не смолкала до поздней ночи. Маленький Гарик замечательно читал стихи и пел популярные песни из кинофильмов. Играла на скрипке первоклассница Медика, таланту которой заплодируют скоро в лучших концертных залах мира.

– Их ждёт большое будущее, – всегда поднимал указательный палец главный ценитель таких концертов, сидевший в кресле у своего окна, дедушка Срул. И подкручивал руками у висков свои пейсы.

Знаменитой на весь двор была и тётя Вадика. Что бы ни случилось у соседей: семейный разлад или другая неприятность – за советом и помощью шли только к ней. Всегда спокойная, рассудительная, она могла уладить любой конфликт. И никто, кроме родственников и близких друзей не знал, что её тяжёлая походка, расплюсченные фаланги пальцев на руках – не следствие болезней, а результаты пыток. Через них она прошла в одной из румынских тюрем, где довелось отсидеть ей несколько лет за подпольную коммунистическую де-

тельность ещё в 30-е годы. Потому что была тётя из когор-
ты тех людей, которые, озарившись в юности этим учением,
подчинили свои жизни его идеям и беззаветно служили им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.